

СИНХРОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ: ОТ СЕМАНТИКИ К КОГНИТИВНОЙ (ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ) СЕМАНТИКЕ

(Известия Южного федерального университета. Филологические науки. –
2008. – №1. – С. 67-76.)

В истории языкознания предлагалось немало различных методов разграничения неоднозначных слов на полисемантические слова и омонимы, в том числе и семантических [см., напр., Новиков 2003]. В нашей стране над разработкой семантического критерия как основного трудились, в частности, такие ученые, как К.А. Аллендорф, М.И. Задорожный, И.С. Тышлер и др. Их работы стали во многом предтечей современных когнитивно-семантических исследований. Прямо или косвенно они опирались на возможность существования некоего инвариантного значения как основы критерия разделения лексических единиц на многозначные слова и омонимы.

Однако следует признать, что в работах указанных авторов также есть неясности в силу отсутствия более или менее последовательной теории семантического инварианта в структуре многозначного слова. Этот фактор, в конечном счете, и приводил к противоречивым решениям проблемы лексической неоднозначности. Так, например, И.С. Тышлер резко выступает против лексикализации формы множественного числа типа: *colour* (цвет) и *colours* (знамя); *small* (маленький) и *smalls* (мелкие вещи, отданные в стирку); *spectacle* (зрелище, сцена, спектакль) и *spectacles* (очки): "В толковых словарях, - пишет он, - структура этих слов позволяет обнаруживать связь, не позволяющую считать их омонимами" [Тышлер 1988: 83]. Их действительно нельзя считать омонимами, но только "по определению": единицы имеют разный звуковой состав. Вопрос же о том, считать их разными словами или формами одного слова, имеет другую природу и должен решаться в исследованиях по словообразованию (в случае с *small-smalls* это еще и разные части речи).

И.С. Тышлер выступает за то, что "дробление слова на омонимы надо проводить обоснованней. Оно должно опираться не на особые морфологические показатели, различные словообразовательные ряды..., а на семантический фактор. Под последним имеется в виду несовместимость значений, невыводимость одного из другого в современном состоянии языка" [Тышлер 1988: 82]. Ученый предлагает использовать понятие инварианта как "нескольких, а лучше всего одного какого-либо признака, который объединил бы все значения полисемичного слова". Однако дальше выдвижения этого "лозунга" автор не идет и не пытается провести границу между языком и речью, определить место и функцию инварианта в осуществлении языковой коммуникации, а также его структуру. Он предлагает рассматривать некую "трансформу" в качестве эквивалента инвариантного значения, которая объясняет одно значение через другое, и таким образом, его семантический критерий, до конца не разработанный, так и остается достаточно туманным. Все это приводит к разным решениям. Например, трансформа объяснения существительного *band* позволяет И.С. Тышлеру считать его полисемичным: 1. A thin flat STRIP with which anything loose or a number of parts can be tied, BOUND, UNITED or held TOGETHER. 2. That which like a STRIP connects, BOUNDS, UNITES TOGETHER by an immaterial force or influence. 3. A STRIP of straw with which sheaves are BOUND, UNITED TOGETHER. 4. A narrow strip of cloth in any part of dress with which separate articles of dress can be BOUND, UNITED TOGETHER (as a hat, waist at the neck or sleeves). 5. A group of people UNITED TOGETHER for a common purpose, which like a STRIP connects, BINDS, unites together as a number of things or parts. Thus: a group of armed men united together for military operations. 6. A group of musicians UNITED TOGETHER for playing. 7. A group of robbers UNITED TOGETHER for robbery.

С другой стороны, И.С. Тышлер делит единицу *tank* на два омонима, не найдя в значениях «емкость для хранения жидкостей» и «боевая гусеничная машина» семантического инварианта.

В большей степени последовательно удалось применить семантический критерий М.И. Задорожному, который разрабатывал его на материале русского языка. "Если под полисемией понимать наличие взаимосвязанности отдельных значений слова, а под омонимией – отсутствие такой взаимосвязанности, и если каждое такое отдельное значение представить в виде набора семантических составляющих, или элементарных значений (сем), то наличие или отсутствие взаимосвязанности между отдельными значениями слова можно интерпретировать как наличие или отсутствие у них общих элементарных значений" [Задорожный 1971: 28]. В качестве эмпирической операции ученый предлагает применять операцию пересечения множеств – наборов семантических составляющих, соответствующих каждому отдельному значению слова. Степень взаимосвязанности отдельных значений, по М.И. Задорожному, следует определять с помощью операции, устанавливающей отношение в материальном смысле числа общих семантических составляющих, присущих сравниваемым значениям, к числу их всех различных семантических составляющих по формуле:

$$S_{ab} = I - (M_a \cap M_b) : (M_a \cup M_b),$$

где S_{ab} – степень близости значений a и b , M_a – множество (набор) семантических составляющих значения a , M_b – множество семантических составляющих значения b , $\cap$ – знак пересечения множеств, $\cup$ – знак суммирования множеств. Степень близости значений отдельного слова, таким образом, будет колебаться в пределах от нуля (полисемия) до единицы (омонимия). Автор называет этот метод компонентным и приводит такие примеры:

* Значение слова «думать» в предложении *Я тоже так думал* определяется набором составляющих «иметь мнение», а в предложении *Командант думал в тот же день допросить арестанта* набором «иметь намерение». Оба значения, по мнению М.И. Задорожного, имеют одно совпадающее элементарное значение «иметь» и три различных. По формуле расстояние между ними равно $2/3$, или $0,66$; следовательно, это – полисемия.

* Расстояние же между значениями «заклЮчить» /прийти к мнению/ и /посадить в тюрьму/, считает ученый, будет равно единице, т.к. они не имеют ни одного совпадающего значения, и поэтому они принадлежат разным словам-омонимам [Задорожный 1971: 29] (Ср.: придать кому-либо/чему-либо, поместить кого-либо/что-либо в определенные рамки, границы).

Указанная методика не лишена недостатков. Во-первых, она слишком громоздка и могла бы скорее применяться при автоматизированном анализе, а во-вторых, не совсем ясно, как определить материальный смысл семантических составляющих и их конечное количество. Впрочем, автор "вполне осознавая уязвимость предложенного подхода к разграничению полисемии и омонимии,"... надеется, что "это не будет служить препятствием дальнейшей разработке проблемы именно в указанном ключе" [Задорожный 1971: 59].

Еще в 1965 году К.А. Аллендорф предлагала рассматривать семантический критерий разграничения полисемии и омонимии как использование возможности /невозможности выведения "общего инвариантного значения". Вот как исследователь анализирует русские слова:

- *актив* "активная часть коллектива" и актив в бухгалтерском учете, по К.А. Аллендорф, имеют общее инвариантное значение "то, что действительно", следовательно, это значения одного слова;
- *батарея* как "соединение приборов" и батарея в артиллерии также имеют общее инвариантное значение "соединение чего-либо однотипного для совместного действия";

- *игла* – швейная, у патефона, у растения, у животного - "острый тонкий предмет". Вместе с тем она затрудняется найти инвариантное значение у слов:
- *башимак*-"ботинок" и *башимак* -"тормозное устройство";
- *броненосец*- "корабль" и *броненосец*- "животное";
- *наметка* ниткой и *наметка*- "предварительное решение чего-либо";

и таким образом, рассматривает их как омонимы [Аллендорф 1965: 73], несмотря на то, что у первых двух устойчиво сохраняется семантический признак формы, а в последнем случае и то, и другое – это некий "план", "алгоритм" чего-либо.

К.А. Аллендорф рассматривает также два случая, приведенные ещё В.И. Абаевым [Абаев 1960] как примеры, вызывающие большой разнобой в словарях, и для которых, по словам ученого, тоже должен быть применен семантический критерий:

"1) слово помимо основного имеет ещё переносное – образное значение; например, слово "*жила*" имеет еще образное значение "скупой человек", которое рассматривается как образующее новое слово, а значение "продажный человек" у слова "*икура*" рассматривается как новое значение того же слова;

2) слово помимо основного значения имеет еще жаргонно-экспрессивное значение, например, жаргонно-экспрессивное значение слов "*жарить*", "*катать*" рассматривается как образующее слова-омонимы, а употребление в таком же жаргонном значении слова "*дуть*", "*чесать*" рассматривается как случай полисемии». К.А. Аллендорф приходит к довольно странному, как представляется, выводу: "Примеры как первого, так и второго случая не могут рассматриваться ни как примеры полисемии, ни как примеры омонимии" [Аллендорф, 1965: 74]. Первый случай К.А. Аллендорф рассматривает как пример *переносного значения* слова, когда "на основе метафорического переноса слово изменяет свою соотнесенность, но сохраняет свое значение: это следует из того, что из переносного и основного значения нельзя вывести ни инвариантного значения, ни установить смежных признаков (следовательно, это не случай полисемии) и что переносное значение не является прямым непосредственным названием данного предмета (следовательно, это не новое слово-омоним). Второй случай мы рассматриваем как примеры жаргонного *употребления* слов... Безусловно, указанные употребления могут служить причиной дальнейшего образования омонимов" [Аллендорф, 1965: 75]. Но тогда возникает вопрос, каким образом, при переносе значения на основе метафоры, слово вдруг перестает быть полисемантическим, а во-вторых, термин "употребление", надо полагать, не имеет ничего общего с семантической структурой слова (иначе мы должны были бы признать, что полисемантических слов не бывает и, попросту говоря, в структуре слова "свинья" не существует значения "грязный, неблагодарный или толстый человек", но это специальное "употребление" значения парнокопытного тупорылого животного). Другое дело, что всякое актуальное значение слова имеет коммуникативное содержание, но понимать это необходимо в смысле системы представлений коммуникантов о предмете дискурса, их коммуникативных установок и условий прохождения речевого акта [Архипов 2001, 2006]. Лишь в этом ключе и следует, по всей видимости, рассматривать природу подобных "употреблений", то есть в прагмалингвистике.

К. Аллендорф основывает свои взгляды на том, что признает инвариантным значением "внеконтекстное значение, которое образуется в результате функционирования слова в системе языка" [Аллендорф 1965: 69]. Здесь можно усмотреть некоторые противоречия в выводах автора. Исследователь предостерегает от того, чтобы рассматривать инвариантное значение как абстракцию, потому что оно является реально существующим значением, образовавшимся в результате функционирования данного слова в речи. Далее, впрочем, автор делает оговорку: "Это значение многозначного слова более абстрактно, чем его контекстные значения, однако оно может быть выражено в речи сочетанием соответствующих слов, и оно объединяет все контекстные значения, чем в основном и решается проблема семантического единства многозначного слова" [Аллендорф

1965: 69]. (В отличие от К. Аллендорф, автор настоящей статьи придерживается мнения, что любой инвариант – это и есть абстракция самого высокого уровня как результат отражения (абстрагирования) в сознании наиболее существенных признаков объектов реального мира.)

В рассматриваемой теории есть еще один недостаток: во-первых, К. Аллендорф почему-то предлагает применять этот принцип только "для омонимов, возникающих на основе метафорических переносов: ...если из значений того же слова не может быть выведено общее инвариантное значение, то, следовательно, это новое слово – омоним" [Аллендорф 1965: 73]. Тогда "за бортом" остаются слова, значения которых возникли не на основе переноса, а в результате контаминации или народного осмысления некогда (этимологически) омонимов [см. Виноградов 1965; Шмелев 1964: 172; Малаховский 1990: 207; Задорожный 1971:10 и др.]. И более того, метафора, где ясно виден образ, лежащий в основе языкового сравнения различных онтологических сущностей, никак не может указывать на омонимию. (В любом случае, для чистоты анализа устанавливать происхождение отдельных единиц следует лишь после проведения самого разграничения полисемии и омонимии в синхронии.) Не ясны и сами принципы выведения того общего инвариантного значения, которое К.А. Аллендорф ставит во главу семантического анализа, вследствие чего и возникают затруднения в конкретных случаях.

Отнесение "спорной" единицы к явлению полисемии или омонимии на основе *когнитивно-семантического критерия разрешения лексической неоднозначности* предполагает использование положений прототипической семантики: гипотеза о существовании лексического прототипа как семантического инварианта всех актуальных речевых значений многозначного слова на уровне языковой системы, существующей в сознании языковой личности [Архипов 2001], позволяет утверждать, что именно лексический прототип, представляющий собой пучок коммуникативно-значимых узуальных, категориальных и дифференциальных признаков, минимально необходимых для идентификации предмета или понятия, может быть положен в основу разграничения полисемии и омонимии на синхронном языковом уровне.

Это с необходимостью предполагает, что при разграничении полисемии и омонимии следует учитывать не "разнозначимость" слов, а наличие или отсутствие мотивированности значений, так как неоспоримо, что и значения многозначных слов означают разные предметы, и просто различная предметная отнесенность сама по себе не дифференцирует явления полисемии и омонимии [см., напр., вступ. ст. Т.П. Ломтева к Задорожный, 1974 и др.].

Таким образом, звукокомплекс должен быть признан соответствующим полисемичному слову при возможности выведения одного лексического прототипа для всех лексико-семантических вариантов, соотносимых с данным звукокомплексом; и наоборот, при несовпадении лексических прототипов анализируемых единиц данные ЛСВ должны рассматриваться как принадлежащие разным словам-омонимам. Приведем пример анализа вышеупомянутой субстантивной единицы *tank*.

Предметом лексикографических споров относительно данной единицы являются лексико-семантические варианты «цистерна, бак, резервуар» и «танк». При этом английские толковые словари предпочитают подавать их как значения одного слова (за исключением СІДЕ), переводные словари (НАРМ, НБАРС) считают их омонимами.

TANK-1 "цистерна, бак". Большинство словарей предлагает именно это значение в качестве номинативно-непроизводного, выделяя в нем такие признаки, как *large container, often metallic, used for holding/storing liquids/gases*. На этих признаках основываются такие сочетания, как *water tank, petrol tank, gasoline tank, etc*. Такой бак предназначен для хранения текучих или легко проникающих веществ, он должен быть закрытым и иметь крепкие стенки, следовательно, признаки *closed, with thick/protective walls* также являются релевантными для этого ЛСВ.

TANK-2 – “the amount that this container can hold” является метонимическим переносом от ННЗ.

Значение TANK-3 – “водоем, резервуар (a natural or artificial pool, pond, small lake, reservoir or cistern)” – основано на признаках ННЗ *large container for holding water* и является расширением ННЗ. Такой резервуар отличается от других водоемов, по-видимому, тем, что здесь сильна импликация его практического использования человеком в своих целях: “especially one used to hold water for drinking or irrigation” [HERITAGE] или rowing tank (бассейн для гребли) [НБАРС]; сюда же можно отнести и experimental / model / trial tank (экспериментальный бассейн), подаваемое в НБАРС как отдельное значение. Судя по всему, признак «полной открытости / закрытости сверху не является существенным.

TANK-4 – “фотобачок для проявления (developing tank)” – также основан на признаках ННЗ. Хотя обозначаемый им предмет и гораздо меньше в размерах, данный ЛСВ все же сохраняет интегральный признак *container*, а также физический *closed* и функциональный *for holding fluids*. Фотобачок, помимо того, не пропускает света, *защищая* таким образом фотопленку. Сохраняя в себе образ НН значения, данный ЛСВ может рассматриваться в качестве метафоры от ННЗ.

TANK-5 – “атомный реактор (*reactor tank*)” – также сохраняет метафорический образ ННЗ: это большая закрытая «ёмкость» с *защитными* стенками, в которой «*содержится*» нечто *нестабильное*, а также *вода* в качестве охладителя и замедлителя нейтронов.

TANK-6 – “отсек” – в таких сочетаниях, как *watertight tank* (водонепроницаемый отсек), *water ballast tank* (балластный отсек), *to blow the tanks* (освободить балластные отсеки) также основан на семах *closed container with protective walls*. Такой отсек является внутренней частью корабля, человек не может наблюдать его извне, поэтому в этом значении отсутствует непосредственный образ номинативно-непроизводного значения, из чего следует, что указанный пучок сем достиг высокого уровня абстракции и был переосмыслен в прототип-инвариант этого слова. На его же семах *container, protecting* основан и

TANK-7 в сочетании *information tank* (“накопитель информации”). Это составная часть электронного оборудования (компьютера), в которой “скапливается” и “*содержится*” информация, “*защищенная*” от “*утечки*”. По всей видимости, признак текучести (*for holding fluids*) также должен быть учтен при определении состава ЛП-инварианта.

TANK-8 – “танк (a *large enclosed* heavily armoured combat vehicle (with *thick protective walls*) that is mounted with cannon and guns and moves on caterpillar treads and *contains* ammunition and military personnel)” – как видно, содержит лишь семы физической формы. Однако этого уже достаточно, чтобы считать данное значение принадлежащим анализируемому слову.

TANK-9 – “тюряга/карцер (a gaol or jail cell for violent prisoners). Раскрывая суть этого значения, мы можем выделить такие семы, как a *large building or part of it with thick protective walls and bars, hard to escape from, containing criminals*. Сема *escape* входит в одно ассоциативное поле с признаком текучести (*fluid*), «нестабильности» преступных элементов и является релевантной.

TANK-10 – “колебательный контур (*oscillatory circuit*) – замкнутая электрическая цепь, состоящая из конденсатора емкостью C и катушки с индуктивностью L , в которой могут возбуждаться собственные колебания с частотой $\omega = 1/\sqrt{LC}$, обусловленные передачей энергии из электрического поля конденсатора в магнитное поле катушки и обратно; в реальных колебательных контурах всегда есть активное сопротивление, которое обуславливает затухание колебаний [БЭС]. Вероятно, для физика и специалиста-электрика такое научное определение выносит TANK-10 в разряд терминов; соответственно, в этом случае мы имеем дело с омонимом. Неспециалист, однако, может мотивировать данное

значение признаком *container holding a fluid* (electric energy), входящим в лексический прототип "a large container with thick protective walls for holding fluids or anything like that".

TANK-11 – a small Indian dry measure, averaging 240 grains in weight; also, a Bombay weight of 72 grains, for pearls – не содержит ни одного из признаков выделенного лексического прототипа-инварианта, что и позволяет считать TANK-11 омонимом.

Таким образом исследуемая единица приобретает следующий лексикографический вид:

TANK _{1 (n)} a large container with thick/protective walls for holding fluids or anything like that

- (1) a large closed, often metallic *container* with thick *protective walls*, used for holding *liquids and gases* ;
- (2) the amount that *this container* can hold;
- (3) a natural or artificial pool, pond, small lake, *reservoir or cistern*, esp. one used for Man's practical purposes (to *hold water* for drinking, irrigation, sports or experiments);
- (4) a developing tank – a *container* having special *liquid* in which photo films are developed;
- (5) a nuclear reactor in which chain reactions are carried out and which *contains water* as coolant and neutron moderator;
- (6) a *waterproof compartment* in a ship, often used for *holding* ballast;
- (7) an information *storage* device in a computer;
- (8) a *large* closed heavily armoured combat vehicle with *thick protective walls* that is mounted with cannon and guns, moves on caterpillar treads and *contains* ammunition and military personnel;
- (9) *Slang* a jail or jail *cell* with *thick protective walls* and bars which is hard to *escape* from and which is meant for *violent* prisoners;
- (10) *Physics* an oscillatory circuit *holding electric energy* .

TANK _{2(n)} a small Indian dry measure, averaging 240 grains in weight; also, a Bombay weight of 72 grains, for pearls.

Проведённый анализ лексической неоднозначности убеждает в том, что слова нельзя путать с предметами, так как слова суть результат символизации человеком: при номинации предмета (то есть решении как-то его назвать, обозначить) человеку необходима определенная мотивация. Такая мотивация, весьма вероятно, обеспечивается в том числе и за счет лексических прототипов, составляющих каркас лексикона, хранящегося в сознании человека, и избавляющих его от необходимости "помнить" все когда-либо зафиксированные контекстуальные значения слов, список которых может достигать нескольких десятков.

Литература

1. Абаев В.И. Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // Лексикогр. сб., вып. 4. – М.: Прогресс, 1960. – С. 71-76.
2. Аллендорф К.А. Значение и изменение значений слов // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. М.: МГПИИЯ, 1965, т.32. – С. 3 – 172.

3. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 157 – 171.
4. Архипов И.К. Человеческий фактор в языке. – СПб: Невский ин-т языка и культуры, 2001. – 110 с.
5. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // *ВЯ*, 1965, № 5. - С. 3 – 17.
6. Задорожный М. И. О границах омонимии и полисемии. – М.: МГУ, 1971. – 71с.
7. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука, 1990. – 238 с.
8. Новиков Д.Н. К вопросу о лексической неоднозначности и методах ее разграничения // *Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов № 13 (28)*. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2003. – С. 147 – 159.
9. Тышлер И.С. Омонимия в современном английском языке. – Саратов: изд-во Саратовск. ун-та, 1988. – 87 с.
10. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Наука, 1964. – 243 с.

Лексикографические источники:

- CIDE – Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 1995.
HERITAGE – The American Heritage Dictionary. Second College Edition. Houghton Mifflin Company. – Boston, 1985.
БЭС – Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. – СПб., 2000.
НБАРС – Новый большой англо-русский словарь. Под ред. Ю.Д.Апресьяна. – М.: Рус. яз., 1998.
НАРС - Новый англо-русский словарь. Modern English-Russian Dictionary. – В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. – М.: Рус. яз., 1994.